

мифопоэтика провинциального текста в трилогии о пелагии бориса акунина

татьяна тверитинова

После сформировавшегося понятия о петербургском тексте русской литературы в работах В. Н. Топорова, Ю. М. Лотмана, З. Г. Минц, М. В. Безродного, А. А. Данилевского, Р. Д. Тименчика возникла необходимость исследования другого, не менее обширного по своему литературному масштабу текста, находящегося в постоянной оппозиции к столичному. Периферия, или точнее говоря, провинция, как и столица, была изначально топонимически определена и культурно осмыслена. Универсальность понятия „провинция” (как административно-территориальная единица в пределах страны и как название периферийных районов по отношению к центру) позволила использовать его в новой исторической формуле – провинциальный текст. В русской литературе XVIII–XIX вв. (пьесы Д. И. Фонвизина, творчество Н. В. Гоголя, писателей-демократов, М. Е. Салтыкова-Щедрина, А. П. Чехова) представление о провинции, понятия „провинциальная

жизнь”, „провинциальный город”, „провинциальные вкусы” чаще всего ассоциировались с чем-то отсталым, захолустным, консервативным, областью „культурного застоя”. Однако уже в конце XIX – начале XX в., как считает Л. О. Зайонц, понятие „провинция” наделяется определенной художественной спецификой и переходит в разряд эстетических феноменов, культурных „мифов”¹. По мнению Н. В. Осиповой, провинциальный текст тяготеет к мифу как некой архетипической целостности.

„Текст и миф описывают некоторый целостный культурный локус в семиотическом, знаковом дискурсе: текст может порождать миф, миф может закрепляться в тексте или текстах”².

По аналогии с петербургской мифологией (миф о возникновении города, исторические мифологизированные предания, эсхатологические, литературные мифы) в литературоведении рубежа XX–XXI вв. появляются исследования о городских мифах русской провинции (вятский миф, тверской миф и т.п.)³. Причем объектом внимания исследователей являются как литературные произведения своих земляков на заданную тему, так и произведения о провинции вообще.

В контексте данной проблемы исследовательский интерес вызывает провинциальный детектив Б. Акунина, в жанре которого писатель представляет своеобразную трилогию о Пелагии: „Пелагия и белый бульдог” (2000), „Пелагия и

¹ Зайонц Л. О. „Провинция”: Опыт историографии [Электронный ресурс] / Л. О. Зайонц // Отечественные записки. – 2006. – № 5 (32). – С. 70–88. – Режим доступа : <http://www.strana-oz.ru/2006/5/provinciya-opyt-istoriografii>.

² Осипова Н. В. Вятский провинциальный текст в культурном контексте [Электронный ресурс] / Н. В. Осипова // Бинокль. – 2002. – № 16. – Режим доступа : <http://www.studnauka.narod.ru/nvo.html>.

³ См. об этом сборники материалов научных конференций рубежа XX–XXI вв. в Твери, Екатеринбурге, Ельце, Курске, Нижнем Новгороде и других российских городах.

черный монах” (2001), „Пелагия и красный петух” (2003). Писатель, попробовавший себя в нескольких жанровых разновидностях классического криминального романа, изменяет не только топос событий, но и личность сыщика. Главная героиня монахиня Пелагия, в отличие от вездесущего Эраста Фандорина, более тяготеет по духовному статусу к патеру Брауну Г. К. Честертону, а по гендерному – к мисс Марпл А. Кристи. Всех их объединяет с акунинской Пелагией не только качество частного детектива, но и провинциальный событийный фон. Впрочем, считать Заволжск только фоном в романах писателя несправедливо.

В трилогии о Пелагии, особенно в первом романе, Акунин создает свой провинциальный текст, противопоставленный петербургскому и насыщенный смысло- и мифопо рождающими контекстами.

В первую очередь следует выделить контекст места. Заволжск, где преимущественно происходят события трилогии, безусловно, типичен, как город N в тексте русской классической литературы. Название его свидетельствует о статусе главного города Заволжской губернии, или Заволжья, как обычно с давних пор называли обширные пространства на севере Руси, в первую очередь Белозерье и Вологодчину, лежащие за Средней Волгой (взгляд из Москвы). Топос губернского города – условный мир российской периферии – представляется в полном соответствии со стереотипом провинциальной идиллии, в которой небольшое поселение (всего 23 511 жителей) и мир дворянской усадьбы окружены таинственно многозначным миром природы. Акунинский Заволжск предстает в окружении лесов, озер, рек, обрывов, которые, кстати, выступают более или менее активными факторами развития сюжета. Река, на которой стоит город, – „величайшая и славнейшая не только в России, но и во всей Европе” – вообще называется „главным действующим

лицом... истории"¹. Представляя обширную, но не густонаселенную Заволжскую губернию, которая раскинулась „от Реки до самых Уральских гор на сотни верст"² с непроходимыми дремучими чащами, автор разрабатывает мифологему „края света“, „медвежьего угла“, которая является характерным признаком его провинциального текста. Местные жители, нерасторопные и косматые, похожие на медведей, именно так и воспринимаются в фольклорном контексте соседями, нижегородцами и костромичами: „заволжане все бока отлежали"³.

В формировании локальной мифологии особое внимание уделяется народному сознанию и фольклорным текстам как формам памяти этого сознания. Акунин обращается к заволжским преданиям о враждебной лесной нечисти (медведь Бабай, крадущий девушек себе в невесты, лиса Лизуха, заманивающая парней и мужиков, человековолк Струк, с огненными глазами и коваными зубами, который может превратиться в лихого человека), замечая, что верят в такие мифические существа не столько в городах, где эти сказки воспринимались как невинный фольклор, сколько в деревнях, находящихся вдали от цивилизации, у самой кромки Уральских гор: там, „в Лесу, под могильное уханье совы, под недалний вой волчьей стаи, верилось и в Бабая, и в Струка"⁴.

Автор уделяет внимание и мифологизированным преданиям о реальных исторических личностях (Ермак Тимофеевич, начавший свой сибирский поход из здешних мест, Чика Зарубин, гулявший здесь вместе с Пугачевым) и

¹ Акунин Б. Пелагия и белый бульдог : роман / Б. Акунин. – М. : ООО „Издательство АСТ“; ООО „Издательство Астрель“, 2001. – С. 26.

² *Ibid.*, с. 6.

³ *Ibid.*, с. 31.

⁴ Акунин Б. Пелагия и красный петух : [роман : в 2 т.] / Б. Акунин. – М. : АСТ; Астрель, 2010. – Т.1. – С. 81.

агиографическим легендам, уходящим корнями в далекое прошлое. Одна из них – житие святого Василиска, который искал место, где можно лучше всего послужить Богу, и Бог, явив ему два чуда, указал на холм, выступающий над водой. Со временем укрепилась в народе молва о сакральности этого места: „самый ближний, расположенный на самой околице Царства Небесного, отсюда и его другое название: Окольный остров”¹. Особенности расположения (близость к Богу), топонимия (остров Ханаан, Ново-Аратский монастырь, утес Синай) и даже эргонимия (гостиница „Ноев ковчег”, пансион „Земля обетованная”, ресторация „Валтасаров пир”, банк „Лепта вдовицы” и т.д.) – все настраивало на библейский контекст данного пространства, воспринимаемого как православный рай.

Единственное историческое упоминание об этих местах содержится в „Нижегородском изборнике”, летописи XV столетия, где рассказывается о новгородском госте по имени Ропша, которого местные язычники убили и обезглавили для жертвоприношения каменному идолу Шишиге. Однако, замечает повествователь, „то были времена давние, мифические. Теперь же у нас тишь и благолепие”².

Начало первого романа обращает внимание особенностями авторского стиля.

„А надо вам сказать, что к яблочному Спасу, как начнет небо поворачивать с лета на осень, город наш имеет обыкновение подвергаться истинному нашествию цикад, так что ночью и захочешь спать, да не уснешь – вот какие со всех сторон несутся трели, и звезды опускаются низко-низко, луна же и подавно виснет чуть не над самыми колокольнями, делаясь похожа на яблоко нашей прославленной „сметанной” породы, которую местные купцы поставляют и к царскому двору, и даже возят на европейские выставки. Если б кому выпало взглянуть на Заволжск из небесных сфер, откуда

¹ Акунин Б. Пелагия и черный монах : роман / Б. Акунин. – М. : АСТ; Астрель, 2010. – С. 13.

² Акунин Б. Пелагия и белый бульдог, с. 7.

изливаются лучи ночных светил, то перед счастливецом, верно, предстала бы картина некоего зачарованного царства: лениво искрящаяся Река, посверкивающие крыши, мерцание газовых фонарей, и над всей этой игрой разнообразных сияний воспаряет серебряный звон цикадного хора”¹.

Читатель, воспитанный на классической литературе, сразу же настраивается на восприятие этого знакомо-незнакомого мира, обобщенно-поэтические и символические образы которого, как замечает Г. М. Ребель,

„отсылают ни к кому конкретно и сразу ко многим: к Тургеневу – лиризмом и достоверностью, к Лермонтову – космичностью (взгляд „из небесных сфер, откуда изливаются лучи ночных светил”, вызывает ассоциацию с лермонтовским „спит земля в сиянье голубом”), к Бунину – настойчивой „яблочностью” экспозиции, к Гончарову, Чехову и даже Гоголю”².

Как видим, акунинская мифологема „края света” постепенно трансформируется в другую – мифологему „зачарованного царства”, где все спокойно, уравновешенно, умиротворенно.

Между тем изысканно-простодушная, доверительная интонация сразу же настраивает на восприятие в романе, кроме автора, еще одного рассказчика, представителя третьего сословия, с его размышлениями и выводами, интересом к городским слухам и преданиям, уверенностью в том, что является выразителем коллективного сознания:

„Рассуждать... не беремся, потому что не нашего ума дело”³, „Известно, что более всего мы любим не тех, кто сделал нам благо, а тех, кого благодетельствовали сами и кто, по

¹ *Ibid.*, с. 5.

² Ребель Г. М. Зачем Акунину „Бесы”? (Художественная апология либерализма в романе Б. Акунина „Пелагия и белый бульдог” / Г. М. Ребель // Филолог. – 2004. – № 5. – С. 36.

³ Акунин Б. Пелагия и белый бульдог, с. 7.

вечному нашему заблуждению, якобы должен испытывать к нам беспредельную признательность”¹.

Таким образом, создается иллюзия чужой устной речи, раскрывается другое, не авторское видение мира, „воплощающее особую логику городского массового сознания”². Обретаемая при таком двухголосии стилистическая свобода способствовала более глубокому, нежели привычное, обывательское восприятие, постижению окружающей действительности. Явное тяготение к устной речи – сказовой манере повествования – воспринималось как возможность освобождения читательского сознания от привычного стереотипного восприятия мира и открытия ему глубинной правды, странной, невероятной, предполагающей мифологическое объяснение как единственно возможное. Поэтому именно в мифологическом свете воспринимается появление петербургского синодального чиновника:

„На мирном заволжском горизонте возникла грозовая туча. Принесло ее холодным западным ветром со стороны лукавого, недоброго Петербурга”³.

Так в роман входит бинарная антиномия провинция-столица. По мнению А. Ф. Белоусова, противопоставление это „не изучено даже в самом общем плане, хотя принадлежит к основам русского культурного сознания”⁴. Эта оппозиция, особенно характерная для „имперских” культур, передает напряжение, существующее между центром и окраиной. В. И. Толстых замечает, что

¹ *Ibid.*, с. 40.

² Маркович В. М. Петербургские повести Н. В. Гоголя / В. М. Маркович. – Л.: Худож. лит., 1989. – С. 47.

³ Акунин Б. Пелагия и белый бульдог, с. 36.

⁴ Белоусов А. Ф. Художественная топонимия российской провинции: к интерпретации романа „Город Эн” / А. Ф. Белоусов // Первые Добычинские чтения. – Даугавпилс: Даугавпилсский пед. ин-т, 1991. – С. 12.

„история знает по меньшей мере две антитезы: первая – это „метрополия и провинция“, вторая – „центр и периферия“. В первом случае осуществляются отношения абсолютной власти и подчинения, во втором – сосредоточие высших управляющих структур, реализующие общие и согласованные интересы периферии”¹.

В русской истории, по мнению исследователя, был всегда представлен первый вариант.

Такая моноцентристская модель существовала и в культуре, где наряду с петербургским мифом существовал миф о провинции как о понятии маргинальном, второсортном, отсталом. Однако уже в первой половине XIX века понятие „провинциальный” обретает и другие коннотации, связанные с сентиментально-руссоистским контекстом, близкие по значению словам „сельский”, „естественный”. Именно в таком значении воспринимается выстроенный благодаря мудрой духовной власти заволжский мир в трилогии Акунина. Архиерей Митрофаний, как и его ближайшие союзники губернатор фон Гагенау и помощник прокурора Бердичевский, в свое время отказались от службы в столице,

„потому что поняли: столица – это царство зла, и тот, кто туда попадает, теряет себя и подвергает свою душу угрозе... В провинции можно, пребывая во власти и делая дело, сохранить живую душу, а в Петербурге нельзя”².

Будучи глубоко убежденным в том, „что спасение России не из столиц придет, а из провинции”³, заволжский архиерей Митрофаний в беседах с губернатором о чиновничьем сребролюбии и мерах его пресечения, о законопослушании

¹ Чурбанов В. Столица и провинция. Субъективные заметки о дискуссии в клубе „Свободное слово” / В. Чурбанов // Российская провинция. – 1995. – № 3. – С. 7.

² Акунин Б. Пелагия и белый бульдог, с. 159.

³ *Ibid.*, с. 148.

(причем, добровольном), о достоинстве, которое, по мнению владыки, „зидется на трех китах, имя которым законность, святость и просвещение”¹, стремится в своей губернии навести порядок и сделать людей и условия жизни лучше. Однако это в пределах одной губернии, потому что

„легче навести порядок в одной комнате, нежели во всем доме, <...> и в одном городе, нежели во всей стране”². „Давно известно, что чем дальше от столицы, тем ближе к Богу”, – замечает рассказчик, добавляя: „А столица, она и за тысячу верст дотянется, если взбредет ей, высоко сидящей и далеко смотрящей, в голову такая фантазия”³.

Появление синодального чиновника Бубенцова в сопровождении секретаря Тихона Спасенного и кучера-черкеса заволжане воспринимают именно в мифологическом свете, тем более что было знамение: „невесть откуда налетела стая воронья и согнала с крестов владычьею домовою церкви мирных сизарей”, которые садились там с незапамятных времен. Впрочем, замечает рассказчик, „вероятно, врут, потому что в нашем городе вообще врут легко и вдохновенно”⁴. Однако поведение Бубенцова, его экспедиции в поисках языческих жертвоприношений, его искусительность и легкость, с которой он завоевывал женские сердца, наконец, Наинино восхищенное „Князь Тьмы” – все это настраивало на демоническую идентификацию столичного чиновника. А его спутники – Спасенный, бывший псаломщик, постоянно перевирающий слова Евангелия, нехристианин Мурад, черный, страшный, с кровавыми глазами, – воспринимаются как свита сатаны. С ними в городе появляются зло, искушение, смерть, страх.

¹ *Ibid.*, с. 155.

² *Ibid.*, с. 148.

³ *Ibid.*, с. 9.

⁴ *Ibid.*, с. 36.

Приезд петербургского чиновника в провинциальный город, несомненно, является гоголевской реминисценцией (мотив ревизора). Б. Зингерман, исследуя образ русской провинции в творчестве Н. В. Гоголя, обращает внимание на милитарно-брутальные коннотации вокруг фигуры приезжего из столицы, завоевывающего или растлевающего женственную провинцию: именно мужчина, петербуржец, привозит изменения в провинциальную жизнь, а сама „российская провинция, по Гоголю, – женственная стихия”¹.

„В считанные дни, – замечает рассказчик, – Бубенцов произвел в Заволжске настоящий *coup d'etat*², захватив почти все стратегические пункты: администрацию в лице Людмилы Платоновны, полицию в лице Феликса Станиславовича и общественное мнение в купе с почтой и телеграфом в лице Олимпиады Савельевны”³.

В первую очередь поддаются его власти люди маловерные, с претензиями на представителей „светского общества”. Это салон вольнодумцев во главе с почтмейстершею Олимпиадою Савельевною Шестаго, которая гордится своими независимыми взглядами, свободным поведением и поступками вопреки общественному мнению. Писатель представляет нам еще один вариант провинциальной жизни как плохую копию столицы, кривое зеркало, отражающее только недостатки и недоразумения. Почтмейстерша и ее окружение – провинциалы, претендующие на статус „столичных” и стремящиеся представить себя в качестве людей столичного вкуса. „Вообще, – замечает Г. М. Ребель, – „дамский след” в развернувшихся на провинциальных подмостках безобразиях

¹ Зингерман Б. Образ русской провинции в творчестве Гоголя (цитаты и комментарии) / Б. Зингерман // Мир русской провинции и провинциальная культура. – СПб. : Дмитрий Буланин, 1997. – С. 13, 17.

² Государственный переворот (перевод автора).

³ Акунин Б. Пелагия и белый бульдог, с. 49–50.

более чем очевиден”: взбудораженные и ошалевшие от скуки и любопытства женщины подогревают ситуацию и подталкивают к катастрофическому завершению¹. Однако таких героев оказывается немного, и после разоблачения зла все в городе возвращается на круги своя, под опеку мудрой духовной власти.

Антиномию провинция—столица можно рассматривать и как противопоставление женское—мужское. Именно петербуржцы (приезжие из столицы) сыграли губительную роль в судьбе Наины Телиановой. Выросшая в помещичьей усадьбе на лоне природы, она, возможно, терпеливо ждала бы предложения от порядочного, но нерешительного Степана Ширяева. Однако приезд первого соблазнителя Аркадия Поджио, который разогрел ее интерес к столичной жизни, настраивает на устремленность к побегу из спокойной провинциальной жизни в столицу. Второй же соблазнитель Владимир Бубенцов, пытаясь через Наину подобраться к миллионному состоянию ее бабушки, вскоре переменяет тактику и потерял всяческий интерес к экзальтированной девушке. Провинциальная барышня, наделенная склонностью к фантазиям, она стремится к свободной жизни, блистанию в заграничных нарядах, эпатированию своей независимостью за пределами родового гнезда. Однако отъезд из имения бабушки приводит не к осуществлению мечты, а к гибели.

Перемещая действие романа из губернского города в имение Татищевой и обратно, Акунин погружает нас в особенности жизни помещичьей усадьбы, „дворянского гнезда” последней трети XIX века. В романе провинциальный текст пересекается с текстом усадебным, который также противопоставляется петербургскому. По мнению В. Г. Щукина, усадебный текст складывается из таких атрибутов, как

¹ *Ребель Г. М.* Зачем Акунину „Бесы”? (Художественная апология либерализма в романе Б. Акунина „Пелагия и белый бульдог”), с. 36.

„дедовская библиотека с „древними” (то есть XVIII века) фолиантами на нескольких языках, фортепиано,... цветы и цветущие деревья, пение птиц, укромные уголки в саду (скамейки, беседки), старинная (то есть екатерининская) мебель, старые чудаковатые слуги, несказанно верные своим господам, и, конечно же, романтически настроенная девушка в белом платье”¹.

Кроме того, замечает исследователь, „у каждого текста есть свой „текст-код” или основной миф этого текста”²: в петербургском – эсхатологический миф о гибели города, в провинциальном – „зачарованное царство”, в усадебном – Эдемский сад, символ красоты и благоденствия.

Дроздовка, имение Татищевой, наделена типичными чертами идиллического „дворянского гнезда”: дом со всеми атрибутами великолепия екатерининских времен („с дорической колоннадой, недовольными львами на постаментах и даже медными гросс-егерсдорфскими единорогами по краям лестницы”³, сумрачные комнаты, библиотека с высокими шкафами книг с золотыми корешками, старый сад, белокаменная беседка над высокой кручей, своего рода „храм уединенного размышления”. Дворянская усадьба в романе представляется как замкнутое пространство, огражденное от внешнего мира и противопоставленное ему. Структура его представлена в виде концентрических кругов: в центре – дом „как внутренний круг, защищающий человека”⁴, следующий круг – сад, окружающий дом, и третий – ограда сада как граница, охраняющая дом от внешнего мира. В усадебном пространстве ограда сада высокосемиотична: огражденный

¹ Шукин В. Г. Миф дворянского гнезда. Геокультурологическое исследование по русской классической литературе / В. Г. Шукин. – Краков : Wydawnictwo Uniwersytetu Jagiellońskiego, 1997. – С. 122.

² *Ibid.*, с. 161.

³ Акунин Б. Пелагия и белый бульдог, с. 62.

⁴ Шукин В. Г. Миф дворянского гнезда. Геокультурологическое исследование по русской классической литературе, с. 99.

сад должен содержать в себе некое „сокровище”, представляющее ценность как для внутреннего мира, так и для внешнего¹. Подобным сокровищем в классических „усадебных романах” И. С. Тургенева и И. А. Гончарова, как считает М. В. Глазкова, является „чистая, способная самоотверженно любить героиня, которую пытается „похитить” „внешний” герой”².

Исследовательницы жизни усадебного мифа Е. Е. Дмитриева и О. Н. Купцова выделяют важную черту устройства дворянской усадьбы – разделение на „пространство Бога и дьявола”³. Старый запущенный сад с заросшими тропинками и лужайками, „где воздух звенел пчелиным гудом и шелестел листвою”⁴, заканчивается высокой кручей, откуда открывался прекрасный вид на широкую Реку, небо, заливные луга. Здесь, у обрыва, мисс Ригли разбила английский газон, чтобы продемонстрировать европейский образец парковой культуры и противопоставить общей запущенности. Здесь Спасенный зарыл отрезанные головы своих жертв. И здесь, наконец, Наина убивает невинного щенка. Возникает оппозиция усадьба–обрыв как противопоставление „Эдемского сада” и топоса зла. Впрочем, райская идиллия оказывается только видимой: наблюдательная Пелагия совсем скоро убеждается, что никакой это не Эдем, а „гнездо аспидов”⁵. Автор последовательно разрушает

¹ Цивьян Т. В. Verg. Georg. IV: к мифологеме сада / Т. В. Цивьян // Текст: семантика и структура. – М.: Наука, 1983. – С. 147–152.

² Глазкова М. В. Русская усадьба в мифологическом аспекте („Обрыв” И. А. Гончарова и „Новь” И. С. Тургенева) / М. В. Глазкова // Филологические науки. – 2007. – № 2. – С. 93.

³ Дмитриева Е. Е. Жизнь усадебного мифа: Утраченный и обретенный рай / Е. Е. Дмитриева, О. Н. Купцова. – М.: ОГИ, 2003. – С. 91.

⁴ Акунин Б. Пелагия и белый бульдог, с. 87.

⁵ Интересно заметить, что в романе Акунин намеренно называет сад в имени Татицевой, где, несомненно, растут и фруктовые деревья, парком, явно демифологизируя представление об „Эдемском саду”. Миф о райском саду возникает в описании архиерейского яблоневое сада: с беседками, ротондами, фонтаном, белоснежными

„эдемский миф”, показывая в романе не столько его поэзию, сколько прозу: дом старый, сад запущенный, рушится усадебная система ценностей: доживающая свой век хозяйка прекрасно понимает, что молодые наследники не будут заботиться об усадьбе, а продадут „денежному мешку”, который сад „выкорчует, а в доме фабрику откроет”¹.

Усадебное пространство – это скорее торжество смерти, нежели любви: намеренное убийство трех породистых псов, едва не приведшее к смерти Татищевой, покушение на Пелагию. Весьма далека от представления о тургеневской девушке Наина, внучка Татищевой: взбалмошная и своенравная барышня, испорченная „опасными книгами” и петербургскими соблазителями. Локус усадьбы для нее выполняет роль своеобразной родовой защиты, за пределами которой она погибает. Таким образом, жизнь дворянской усадьбы, представленная вначале в романтически-элегических тонах, постепенно приобретает черты трагического разрушения как культурного пространства, так и человеческой сущности.

Акунин, описывая жизнь Заволжской губернии (устройство провинциального города, помещичьей усадьбы), обращает внимание на Ново-Арабатский монастырь, расположенный на севере от Заволжска. На первый взгляд, процветающее монастырское хозяйство – настоящее „экономическое чудо”, сотворенное незаурядным и деятельным архимандритом отцом Виталием II², – напоминает собою небольшое государство, обладающее полным самоуправлением. Алексею Ленточкину, который

дорожками, так что у героини „было ощущение, будто она не идет по земле, а ступает по Млечному Пути” (Акунин Б. Пелагия и красный петух, т. 1, с. 168).

¹ Акунин Б. Пелагия и белый бульдог, с. 105.

² Автор пишет, что архимандрита именуют так, „потому что в прошлом столетии в обители уже был настоятель того же прозвания” (Акунин Б. Пелагия и черный монах, с. 7). Прошлый, XVIII век, и кипучая деятельность экономического реформатора являются характерными идентификаторами Петра I.

прибыл в монастырь по поручению архиерея Митрофания, Новый Арарат показался странным местом: центр – чистый, по-европейски презентабельный, а чуть дальше – „словно попадаешь на берега Невы вскоре после основания нашей чахоточной столицы”¹: суета, работники, роющие ямы и забивающие в болотистую землю столбы. И среди снующих – отец Виталий Второй, напоминающий „Петра Великого: долговязый, грозный, стремительный, шагает так широко, что ... свита сзади еле поспевает”². Думается, что сравнение Нового Арарата с Петербургом, а отца Виталия с Петром не случайны: такой же деловито-хозяйственный подход к преобразованиям, такая же полная и непререкаемая свобода в действиях, стремление извлечь выгоду из чего угодно. Отец Виталий сдает в аренду часть самой лучшей загородной земли под частную психиатрическую клинику доктора Коровина, который в целях неординарного и современного лечения позволяет своим больным разгуливать на свободе, общаться с паломниками и „поди-ка разбери, кто из встречных нормальный человек, приехавший на острова помолиться..., а кто сумасброд и коровинский клиент”³. Коровинский подопечный, физик Лямпе, чтобы отвадить монахов от опасного Василискова скита, наряжался монахом и при помощи скамейки и электрического фонаря демонстрировал водохождение и свечение нимба, повторяя, как заклинание „Скажи. Быть пусту”, напоминающее заклятье Петербурга царицей Авдотьей, первой женой Петра: „Петербургу пусту быть!”. Слухи, призраки, сумасшествие, городская молва, легенды, как известно, являются неизменными маркерами петербургского текста, потому и не случайно в такой обстановке миф о черном монахе обрел свою жизнь и власть. Однако не следует забывать, что основным мифом петербургского текста является эсхатологический, о гибели города, что настраивает на

¹ Акунин Б. Пелагия и черный монах, с. 57.

² *Ibid.*, с. 58.

³ *Ibid.*, с. 60.

предположение о будущем не процветании, а гибели этого „экономического рая”.

В третьем романе писателя представляется еще один мир провинции – Житомир. Но как разительно отличается он от Заволжска: угрюмая нищета, нестабильность и, главное, „накаленность атмосферы, словно город был готов в любой момент вздыбиться и превратиться в место побоища”¹. И дело здесь не только в разноплеменности или в еврейском засилье, а во власти. При правильной власти людям обеспечивается самое главное – мир и достаток, любая рознь пресекается, а не поощряется, как в Житомире или в Петербурге. Для власти в Заволжске главное – честность и законопослушание, апеллирующие к человеческому достоинству. Житомирский провинциальный текст лишен своей поэтичности, несмотря на окружающую прекрасную природу („голубое небо”, „пение птиц, чудесный вид с Замковой горы на реку Тетерев”²). Национальная нетерпимость, озлобленность, распущенность (гнездо содомитов в замке графа-вырожденца Чернокуцкого) настраивает на восприятие житомирского пространства, как и петербургского, в духе библейской мифологии. В отличие от заволжского текста, насыщенного мифологемами „медвежий угол”, „зачарованное царство”, где жизнь спокойна и благословенна, как в раю, житомирский текст более настроен на ассоциацию с адом, не предполагающим спасения.

Оппозиция столица–провинция отчетливо проявляется и в сцене судебного процесса над Бубенцовым и Спасенным. Столичный адвокат Ломейко, защищающий Бубенцова, ведет себя уверенно и свободно, бравлируя своим красноречием и умением владеть аудиторией. Помощник прокурора Бердичевский в этом явно ему проигрывает. Однако вмешательство губернского архиерея Митрофания и аргументированность его доводов заставили притихнуть

¹ Акунин Б. Пелагия и красный петух, т. 2, с. 6.

² *Ibid.*, с. 6.

столичного адвоката. Опровергая расхожее представление о „проявлениях дикости и азиатчины, которые слишком часто происходят в российской глубинке”¹, владыка представляет Бубенцова как слугу Зла, демона-искусителя, который в тихую и мирную заволжскую жизнь принес ненависть, подлость, шатание в семьях, страх и смерть.

Впрочем, замечает Г. М. Ребель, не столько Бубенцов, сколько его высокий покровитель обер-прокурор синода Константин Петрович Победин „выступает в романе Акунина источником „бесовщины” и в плане идеологическом (вдохновленные им акции насильственного насаждения православия ставят под угрозу сам факт существования достигнутой немалым трудом заволжской „тиши-благодати”), и в плане личностном: оба романых „беса” – и Бубенцов, и Спасенный – его духовные чада”². При всей очевидности влияния романа Ф. М. Достоевского „Бесы” (кстати, одного из немногих провинциальных романов писателя), исследовательница отсылает нас к одной блоковской реминисценции. В портретной характеристике Бубенцова она обращает внимание на характерную деталь („светлые немигающие глаза, чем-то напоминающие совиные”³, что явно адресует к блоковской характеристике его высокого покровителя Победина (Победоносцева): „Победоносцев над Россией простер совиные крыла”⁴. Г. М. Ребель отмечает, что „беснование” как идеология и как деятельность исходит из столицы”, „его ближние и дальние последствия, реакция на него и борьба с ним”⁵ составляют сюжетную основу трилогии. Однако власть влиятельного и всесильного Победина настолько велика, что герои, оказавшись после

¹ Акунин Б. Пелагия и белый бульдог, с. 255.

² Ребель Г. М. Зачем Акунину „Бесы”? (Художественная апология либерализма в романе Б. Акунина „Пелагия и белый бульдог”), с. 35.

³ Акунин Б. Пелагия и белый бульдог, с. 42.

⁴ Блок А. А. Возмездие / А. А. Блок // Стихотворения и поэмы. – М. : Правда, 1978. – С. 407.

⁵ Ребель Г. М. Зачем Акунину „Бесы”? (Художественная апология либерализма в романе Б. Акунина „Пелагия и белый бульдог”), с. 35.

встречи с Великим Инквизитором (обер-прокурором Синода) за пределами своего обустроенного провинциального мира, были вынуждены покинуть его навсегда. Уезжает в Святую Землю в поисках и спасении Пелагии заволжский архиерей Митрофаний. Прокурора Бердичевского, оказавшегося в Петербурге по делам расследования, Победин пытается приблизить к себе. Однако вскоре его, уже повышенного в должности и переведенного в столицу, но не оправдавшего доверия, убивают за ослушание по приказу того же Победина.

Таким образом, акунинскую трилогию о Пелагии можно воспринимать не только как провинциальный детектив, но и как роман-утопию о создании идиллического мира в отдельно взятой русской провинции, разумно обустроенного триумvirатом церковной, губернской и судебной власти и противопоставленного агрессивно-развращающему миру столицы.